

Вот не думал, не гадал, читая новый роман Юрия Михайловича Лощица «Полумир», что автор — мой давний и добрый друг — напророчит мне поездку на Балканы.

Одним из героев этого во многом автобиографического произведения, опубликованного в тысяча девятьсот девяносто шестом году, стал некий Михаил Михайлович по прозвищу «Генерал».

Главные действующие лица романа — философствующий литератор Иосиф Антонов и историк-журналист Николай Стручнюк (этих персонажей, да проститесь мне раскрытие творческих тайн, автор

в определенной мере наделил своими чертами, можно сказать, «един в двух лицах») — встретятся с Михаилом Михайловичем в трагические дни октября тысяча девятьсот девяносто третьего года и уже не расстанутся с ним до конца повествования.

Генерал, как описывает его Ю.М. Лошиц, «щуплый на вид мужчина средних лет в тройке с иголки, с сигаретой во вдохновенно откинутой руке, с изможденным лицом переусердствовавшего в молодости бабника» называет всех без разбора «сынками», «ореликами», снисходительно именует себя «стариком», постоянно шутит, зачастую грубовато, с перебором, рискуя вызвать общее неудовольствие.

Однако окружающим Генерал, скорее, симпатичен. Они воспринимают его с

интересом, как успешного актера в захватывающем спектакле.

«Большой оригинал», «ртуть, а не человек», по отзывам героев романа, Генерал в самой гуще драматических событий, словом и делом помогает защитникам Верховного Совета.

Стоит ли говорить о том, какие чувства я испытывал, читая страницы «Полумира», посвященные Михаилу Михайловичу, настолько этот персонаж сразу пришелся мне по душе.

До сих пор меня занимает вопрос, почему Лощиц, придав Генералу некоторые мои отличительные черты, решил отправить Михаила Михайловича на Балканы.

Из бесед Генерала с Антоновым и Стручняком можно было понять, что Михаилу Михайловичу доводилось бывать на Балканах, где он и братья-сербы,

по его словам, «на скорую руку решали некоторые кадровые вопросы». В подробности Генерал не вдавался, оставляя друзей в неведении относительно истинных целей его пребывания в Сербии и Боснии. Загадкой для них, как, впрочем, и для читателей, осталась профессиональная принадлежность Михаила Михайловича...

В Югославии я побывал в начале шестидесятых годов, провел несколько дней в Белграде и Дубровнике. Контраст даже с благополучной социалистической Чехословакией, в которой я жил тогда с родителями, был разительным.

Приехав в Югославию, я очутился в процветающем европейском государстве со всеми приметами Запада — с его товарным изобилием, роскошными витринами, переливающейся рекламой, до-

рогими автомобилями и прочим. У нас в пятидесятые–восемидесятые годы Югославия была негласно отнесена к разряду капиталистических стран. Выехать туда даже в качестве туристов было весьма сложно...

В феврале двухтысячного года меня попросил зайти Евгений Нестеров, который в Департаменте кадров МИД возглавлял отдел международных организаций. С ним меня связывали давние добрые отношения.

— Заработать хочешь? — без обиняков спросил Женя и, получив утвердительный ответ, показал распоряжение о срочном формировании группы российских дипломатов, которые в качестве международных наблюдателей направятся на парламентские выборы в Республике Сербской.

Спустя две недели в аэропорту Загреб-ба меня встречал мой друг с институтских времен Игорь Щербак, служивший в одном из международных учреждений в Хорватии. Его рассказы о ситуации на Балканах подтверждали мои пред-отъездные подозрения: на «курорт» можно не рассчитывать. Заталкивая меня в автобус, набитый московскими коллегами, Щербак прошипел мне в ухо: «На остановках не вздумай выходить с дороги за флажки. Всё на хрен оторвет!»

Уже потом, на временной британской военно-морской базе в Сплите, где нам надлежало пройти блиц-курс «личной безопасности», я узнал, что здешние горы и леса практически непроходимы: настолько щедро они нашпигованы противопехотными, противотанковыми и другими видами мин. Противоборствовавшие стороны при отходе оставляли

за собой минные поля, для обезвреживания которых, по словам инструктора, понадобится не менее пятнадцати лет.

Далеко за полночь наша группа в сопровождении конвоя англичан, бдительно следящих за тем, чтобы при остановках никто из пассажиров автобуса не бросался за флажки в придорожные кусты, добралась до Баня-Луки, столицы Республики Сербской.

Мне выделили уютную комнату в двухэтажном доме, принадлежавшем отставному начальнику районной полиции. В течение всех шести дней, проведенных в Баня-Луке, он, едва светало, исправно будил меня стуком в дверь и предлагал отведать по глоточку «лозы» или «сливы», а также испробовать чашечку «кафы».

Мой отказ от спиртного утром вызывал у хозяина искреннее изумление.

Он даже как-то выразил сомнение — «православец» ли я.

В дальнейшем не раз наблюдал у многих сербов, особенно у сельских жителей, привычку к подобной утренней порции алкоголя с кофе и крепкой сигаретой «на закуску».

Надо сказать, что кофе на Балканах везде отменного качества. Даже в самой захолустной сербской деревушке вам подадут приготовленный по дедовским рецептам напиток, запах и вкус которого заметно придадут бодрости и прибавят сил.

Выборы в Республике Сербской прошли на удивление спокойно, что и отметили все международные наблюдатели. Из внешних примет запомнились расклеенные на стенах домов портреты вождя четников Драголюбa Михайловича, казненного по приказу

Тито в тысяча девятьсот сорок шестом году.

Нас, русских, забавляли повсюду звучавшие в дни предвыборной кампании здравицы в честь популярного кандидата, сорокалетнего лидера Союза независимых социал-демократов Милорада Додика. Помнится, «додиками» в шестидесятые–семидесятые годы в нашей стране презрительно именовались вычурно одетые молодые люди, любители джаза и экстравагантных танцев, завсегда и малочисленных в те годы баров и коктейль-холлов. В газетах их называли «стилягами».

Милорад Додик стал президентом Республики Сербской. Первым же ее главой в апреле тысяча девятьсот девяносто второго года был избран выдающийся сербский патриот Радован Караджич.

Вернулся домой с приятным ощущением: побывал в гостях у своих! Сербы меня буквально очаровали. До чего же радушные, милые, славные люди!

Имена-то какие светлые, звучные, радостные — Драголюб, Милорад, Радован! Славяне, одним словом!

Взахлеб делился впечатлениями с близкими друзьями — Юрой Лощицем, Сережей Лыкошиным, Димой Золотухиным, которые разделяли мои симпатии, особенно Лощиц с его двумя романами о Югославии и блистательными переводами сербской поэзии.

Сергей, как мне показалось, слушал с сочувственной улыбкой, но больше отмалчивался. Золотухин, вздохнув, сказал, что с Югославией у него связано одно малоприятное воспоминание.

Два фильма С.А. Герасимова о Петре Великом с Дмитрием Золотухиным в

главной роли пользовались большим успехом у югославской публики. Особенно глянулся «южкам» (так с ласковой фамильярностью у нас называли югославов в советские времена) исполнитель роли молодого царя. Вскоре Дмитрий получил приглашение на международный кинофестиваль, который проходил в хорватском горном местечке Сопоте.

— После демонстрации нашего фильма, — вспоминал Митя, — я в сопровождении организаторов фестиваля спустился в бар. Выпили за дружбу, за искусство вообще и за кинематограф в частности. Завязалась, как положено, товарищеская беседа, плавно перешедшая в творческий диспут, рамки которого расширялись по мере выпитого. Со мной рядом сидел мужичок из «Совэкспортфильма», и он вскорости деликатно вывел меня из-за стола и любезно проводил

до гостиничного номера. Но, дождав-
шись его ухода, я тотчас вернулся в бар
к вящей радости моих собутыльников.

Пропустили еще по маленькой, и тут
я им выдал со всей комсомольской пря-
мотой, в лучших традициях советской
антититовской пропаганды конца со-
роковых — начала пятидесятых годов.
Укорял за низкопоклонство перед аме-
риканцами, за отход от идеалов социа-
лизма, стыдил за второсортность юго-
славского кино. Южки терпеливо меня
дослушали, почти разом встали и ушли.

Утром за завтраком мрачный «совэк-
спортфильмовец» сообщил, что меро-
приятия с моим участием, в том числе
и объявленная телевизионная пресс-
конференция в Белграде, отменяются.

В Москве всё, слава Богу, обошлось.
Наверно, у чекистов, прочитавших от-
чет сослуживца, в моем случае сработал

привычный стереотип. Ведь по существу я лишь озвучил, как говорится, политическую линию партии и правительства, которая ни для кого в нашей стране не являлась тайной.

Потом кто-то из нас вспомнил, как возмущалась одна отечественная кинодива отказом югославского режиссера снимать ее в главной роли совместного кинофильма.

— Надо же быть такой сволочью! — распаялась она. — Существуют две национальности: евреи и русские. А этот придумал: «Я — югослав»?! Можете себе такое представить!

Посмеялись над незадачливой дурехой, а я задумался: ведь по сути-то она права. Нет такой национальности «югославы». И термин «югословены», который еще недавно пытались использовать

в своих трудах наши отечественные балканисты, тоже никуда не годится.

Нет такой общности, нет такой нации. Как нет россиян, грузин, азербайджанцев, наконец, американцев, а есть русские, татары, башкиры, якуты, аджарцы, гурийцы, сваны, мегрелы, турки, персы, армяне, татары (только на этот раз азербайджанские), англичане, французы, итальянцы, ирландцы... Всех не перечить.

На территории распавшейся Социалистической Федеративной Республики Югославии остались сербы, хорваты, боснийцы, словенцы, македонцы, черногорцы, албанцы, венгры.

Престарелый маршал Иосип Броз Тито мечтал увидеть в собранном им многонациональном государстве сообщество единой югославской нации. Именно при Тито в тысяча девятьсот шестьдесят

первом году было узаконено определение «югослав».

Недавно Агентство национальной безопасности США сняло гриф секретности с аналитического документа, подготовленного в конце семидесятых годов прошлого века. Из него следует, что Тито, по всей вероятности, был русским или поляком по происхождению. К такому выводу пришли специалисты по фонетике, которые изучали произношение маршала. По их утверждению, Тито говорил на сербохорватском языке с «иностранным акцентом», смягчая согласный звук «н» перед гласным «и», как это произносят русские или поляки. Американцы уверяют, что этот пример «неюгославского происхождения» Тито во многом объясняет «беспристрастное и успешное руководство многонациональной страной». Ранее высказывались